

Тренировочный день подошел к концу лишь в половину второго ночи. Юй Фань наспех ополоснулся в душе и, даже не вытерев толком мокрые кудри, распахнул дверь на балкон.

Ночной воздух дышал душной, влажной жарой. Ветер лениво трепал волосы, но они так и оставались мокрыми.

Юй Фань уставился на убегающую вдаль автостраду, тускло мерцающую в темноте, и с досадой прикурил сигарету. Сжав фильтр зубами, он глубоко затянулся сладким фруктовым дымом.

Янь Тинъюй уехал домой, чтобы собрать вещи — его окончательный переезд намечался на завтра. Однако кровать для нового соседа уже застелили, а рядом аккуратными стопками разложили его припасы: фирменную форму DTG, предметы первой необходимости и разнообразный клубный мерч.

Завтра Янь Тинъюй действительно обоснуется здесь.

Юй Фань обреченно вздохнул и опустил взгляд на экран телефона.

Было уже полтретьего ночи. Огромный мегаполис почти полностью погрузился в сон; лишь редкие окна офисных высоток светились далекими точками.

Но сам Юй Фань не спал по ночам последние восемь лет.

Все началось еще в восьмом классе. Стоило Мэй Пин и Юй Гунвэю оказаться дома вдвоем, как они неизбежно устраивали скандалы.

При сыне родители из последних сил пытались держать лицо: разыгрывали идеальную пару, обменивались приторно-вежливыми репликами, хотя Юй Фань с первого взгляда понимал, что в доме творится неладное.

Мэй Пин, будучи учительницей, жутко боялась дурного влияния на ребенка. Поэтому все выяснения отношений она переносила на глухую ночь, дожидаясь, пока сын уйдет в свою комнату.

Но когда эмоции брали верх, сдерживать крики становилось невозможно. Юй Фань неизменно просыпался от злого шепота за стеной, невольно вслушивался в упрёки, а после уже не мог сомкнуть глаз.

В те годы он до ужаса боялся развода родителей. Желая знать каждую мелочь, из-за которой они ругались, он просто не смел засыпать, карауля тишину. Лишь когда небо на востоке начинало бледнеть, Мэй Пин, опасаясь выдать себя, прекращала ссору. Только тогда Юй Фань засыпал.

Постепенно это превратилось в стойкий стрессовый рефлекс: глухой ночью его мозг бодрствовал на пределе возможностей, а непреодолимая сонливость накатывала только с первыми лучами солнца.

Зимой приходилось особенно тяжело — уснуть удавалось разве что к шести утра. Летом было проще: рассветало раньше, и уже в четыре он отключался.

Из-за этого с самого восьмого класса он постоянно опаздывал на уроки.

Да даже если и успевал к звонку, то сидел за партой сонной мухой, не в силах сообразить ни слова из того, что бубнил учитель.

Он подумывал о снотворных, но проблема была не в банальной бессоннице. Днем его сон был глубоким и крепким, просто организм выработал жесткий блок на темное время суток.

Не будь этого дурацкого недуга, он бы никогда так яростно не протестовал против совместного проживания.

Киберспорт стал для него спасением. График про-игроков идеально вписался в его биологические часы. И пусть другие ложились в два ночи и вставали в десять утра, а он засыпал ближе к пяти — это все равно было в сто раз лучше школьного ада.

После двух ночи найти соперников в лобби становилось практически невозможно. Чтобы хоть как-то убить время, Юй Фань развлекал себя как мог: листал ленту новостей, собирал лего, тягал гантели или распаковывал подарки от фанатов. В общем, маялся дурью на полную катушку.

Но теперь, когда в комнате появится Янь Тинъюй, этот номер не пройдет. Не лежать же бревном с открытыми глазами, изображая спящего? Он же с ума сойдет от скуки.

А если уходить по ночам бродить по базе, то со стороны это будет выглядеть так, словно его выставили за дверь.

Юй Фань вздохнул — уже в семнадцатый раз за эту ночь.

«Похоже, придется разыграть карту с лунатизмом. Напугаю его разок до полусмерти, сам сбежит!»

Открыв поисковик, он вбил в строку: «симптомы сомнамбулизма». Сеть тут же вывалила на него тонны медицинских статей.

В одной из справок говорилось: «Лицо лунатика обычно неподвижно, взгляд стеклянный, глаза

полуприкрыты. Человек способен координировать движения, однако перемещается неуклюже и заторможенно. Часто засыпает в самых неподходящих для этого местах».

«В неподходящих местах...»

Юй Фань затушил окурок и медленно повернул голову, глядя на пустующую пока постель Янь Тинъюя.

На следующее утро, ровно в десять, Янь Тинъюй с двумя увесистыми чемоданами в руках уже отмечался на ресепшене клуба. В этот момент Юй Фань еще спал без задних ног.

Резкий стук в дверь вырвал его из объятий сна. Юй Фань с трудом разлепил веки. Всклоченный, с золотистым гнездом кудрей на голове и жутко злой от недосыпа, он поплелся к выходу.

Сил стоять не было, поэтому он просто привалился лбом к косяку и раздраженно буркнул:

— Кого там принесло?

— Меня, — раздался за дверью спокойный, глубокий голос Янь Тинъюя.

Юй Фань мгновенно растерял остатки дремоты.

Нехотя провернув замок, он отступил в сторону, впуская соседа.

Взгляд Янь Тинъюя против воли скользнул вниз.

В качестве пижамы Юй Фань использовал безразмерную хлопковую футболку. Под ней, скорее всего, прятались короткие шорты, но со стороны казалось, будто из-под свободного белого подола растут только бесконечно длинные, стройные и невероятно бледные ноги.

Белизной кожи он пошел в отца. Тело Юй Фаня было гладким, без единого намека на растительность.

Когда Мэй Пин и Юй Гунвэй еще любили друг друга, она в шутку называла мужа «мужской версией Белой Змеи» за его идеальную гладкость. После разрыва она при любом удобном случае шипела, что Юй Гунвэй — бездушная хладнокровная гадина.

Помешкав пару секунд, Янь Тинъюй сдержанно отвел глаза.

— Почему только встал? — спросил он, и в его голосе прорезалась едва заметная хрипотца.

— Это я должен спросить, какого черта ты притащился в такую рань! — простонал Юй Фань.

Он уснул только в пять утра, проспав жалкие пять часов.

Янь Тинъюй бросил взгляд на настенные часы.

— Тебе стоит сказать мне спасибо. Еще пятнадцать минут, и ты бы официально опоздал.

Юй Фань мысленно взвыл, вспомнив вчерашнее предупреждение о том, что поблажек не будет ни «наследнику», ни «приме-балерине». Жизнь определенно давала трещину. Не будь у него проблем с ночным сном, разве стал бы он ежедневно опаздывать на полчаса?

Затащив чемоданы в комнату, Янь Тинъюй подошел к шкафу, распахнул дверцы и обернулся:

— Ты даже не освободил место?

Юй Фань потирал сонные глаза, зевая на ходу:

— Да у меня барахла-то всего ничего. Сдвинь мои вешалки в сторону, делов-то.

Большую часть его гардероба составляла клубная форма и фанатский мерч. На матчах и стримах он обязан был светить спонсорскими логотипами, а за пределы базы Юй Фань практически не выбирался, так что тратить на гражданскую одежду не видел смысла.

Когда он жил один, ему было лень копаться в плотных стопках, поэтому он просто швырял по одной-две футболки на каждую полку шкафа. Свободного пространства оставалось навалом.

Янь Тинъюй негромко вздохнул, опустился на корточки и принялся вытаскивать чужие вещи. Он бережно расправлял каждую футболку, складывал их ровными стопками и раскладывал по категориям.

От одежды Юй Фаня исходил приятный аромат лаванды — видимо, прачка на базе сменила кондиционер. Когда Юй Фань открыл дверь, от него пахло точно так же, но Янь Тинъюй был слишком увлечен созерцанием его ослепительно белых ног, чтобы обратить на это внимание.

Юй Фань привалился к бортику кровати и ошарашенно уставился на этот мастер-класс:

— Ого, ты умеешь складывать вещи?

— Вдали от дома быстро учишься самостоятельности, — ровным тоном ответил Янь Тинъюй.

— А ты разве не жил на базе NV? — удивился Юй Фань.

— Я снимал комнату при университете. Ездил на тренировки после пар.

Юй Фань округлил глаза:

— И твой богатый папочка не нанял тебе личную прислугу?

Рука Янь Тинъюй на секунду замерла. Он скользнул по парню взглядом и тихо произнес:

— Я с детства жил с бабушкой. Не люблю, когда вокруг вертятся посторонние. — Помолчав, он добавил: — Так что, хоть отец и спонсировал DTG, про League of Legends я впервые услышал именно от тебя.

Юй Фань окончательно завис. Он захлопал ресницами, глядя на соседа снизу вверх:

— От меня? Когда это я успел?

«Неужели я действительно как-то повлиял на его выбор?»

Глаза Янь Тинъюй потемнели. Отворачиваясь к распахнутому чемодану, он принялся перекладывать свои вещи на полку:

— Ты вечно все забываешь.

Юй Фань озадаченно потер кончик носа. То ли он еще не проснулся до конца, то ли в голосе Янь Тинъюй действительно сквозили интонации добропорядочной супруги, выговаривающей ленивому мужу за бытовую инвалидность.

Шкаф заполнился под завязку. Юй Фань покачал головой:

— Обалдеть. Зачем парню столько шмоток?

Костюмы, кэжуал, спортивная одежда, домашние комплекты — глаза разбегались. Юй Фань готов был поспорить, что Янь Тинъюй заранее прикинул габариты гардероба и привез лишь малую часть своей коллекции.

— Положение обязывало, — лаконично пояснил Янь Тинъюй.

В Массачусетском технологическом постоянно проводились студенческие приемы, научные симпозиумы и торжественные ужины. Для каждого мероприятия требовался свой дресс-код. За четыре года учебы шкаф ломился сам собой.

Юй Фань лукаво прищурился:

— Ого. Учеба, тренировки, турниры... У тебя вообще оставалось время на свидания?

Янь Тинъюй одарил его долгим, нечитаемым взглядом. Щелкнув замками чемодана, он поставил его у стены и отряхнул ладони:

— Не оставалось.

— Да забей, делов-то! — добродушно отмахнулся Юй Фань. — У нас на базе все такие. Я вот, например, до сих пор девчонку даже за руку не держал.

Янь Тинъюй медленно провел подушечкой большого пальца по своей ладони.

Вдруг сквозь приоткрытую дверь спальни зеленым метеором ворвался желтоклювый попугай. Он стрелой понесся прямо к Янь Тинъюю. Юй Фань от неожиданности шарахнулся назад и едва не растянулся на ковре.

Птица вовремя затормозила и ловко приземлилась на плечо хозяина. Цепкие тонкие лапки мертвой хваткой впились в ткань его футболки. Попугай явно нервничал; его подернутые сероватой дымкой глаза испуганно блестели, но он все равно с любопытством косился на незнакомца, забавно наклонив голову набок.

Янь Тинъюй выпрямился и ласково погладил питомца по голове:

— Совсем вылетело из головы спросить. Ты не против, если он побудет здесь? Он ко мне слишком привязан.

— Ты собрался выгуливать своего... пернатого прямо в комнате? — ляпнул Юй Фань.

Янь Тинъюй промолчал, выразительно приподняв бровь.

Юй Фань запоздало сообразил, как двусмысленно прозвучали его слова, и густо покраснел:

— Кхм... Я про птицу. Про попугая.

— Я подобрал его в Штатах, — пояснил Янь Тинъюй. — Прежний владелец издевался над ним.

Птица впала в глубокую депрессию и выщипала себе все перья на брюшке. Когда я ушел из NV, то забрал его с собой в Китай.

«Депрессия у попугая?»

Присмотревшись, Юй Фань действительно заметил на животе птицы уродливую проплешину, сквозь которую просвечивала розовая, почти прозрачная кожа. Она казалась настолько тонкой, что под ней угадывались крошечные ребрышки и синеватые ниточки сосудов.

Теперь понятно, почему бедолага выглядел таким забитым и потрепанным по сравнению со своими здоровыми собратьями.

Юй Фань животных любил, к тому же знал, что попугаи — существа умные.

— Да без проблем, пускай тусуется тут. А как его зовут?

— Никак. Я зову его просто Попугаем.

Юй Фань опешил:

— В смысле?

— Ветеринар сказал, что у него тяжелейшая форма расстройства. Динамики никакой. Он давал ему от силы три месяца жизни, поэтому я не стал давать имя.

Когда даешь имя, возникает привязанность. А терять близких всегда больно.

«Три месяца...»

Сердце Юй Фаня дрогнуло, и его взгляд потеплел.

«В депрессию ведь впадают только те существа, у которых тонкая душевная организация и развитый интеллект».

Юй Фань сделал шаг вперед и осторожно протянул руку, желая погладить птицу. Попугай испуганно отпрянул назад, вцепившись когтями в футболку хозяина еще крепче.

Пальцы Юй Фаня замерли в паре сантиметров от перьев. Поколебавшись секунду, он вдруг ухватился за край своей просторной футболки, задрал ее до самой груди и жизнерадостно выдал:

— Эй, да ты не бойся! Смотри, у меня на пузе тоже ни единого перышка нет! Мы с тобой одной крови!

Попугай: —?!

Янь Тинъюй: —...

То ли птица действительно уловила посыл, то ли просто удивилась, но она вытянула шею и уставилась на обнаженный плоский живот Юй Фаня. Тонкая талия и безупречные ослепительно белые кубики пресса предстали перед ней во всей красе.

Кадык Янь Тинъюя судорожно дернулся. В горле вмиг пересохло.

«И как он может быть настолько белым и тонким?»

Юй Фань опустил край футболки и снова протянул руку к макушке попугая. На этот раз птица даже не шелохнулась.

Ласково погладив ее по голове, Юй Фань улыбнулся:

— Давай все-таки придумаем ему имя. Будем звать его по имени, он почувствует, что нужен нам, и обязательно поправится. Увидишь, у меня в таких делах опыт приличный.

Янь Тинъюй засмотрелся на его сияющие глаза, обрамленные непослушным золотистым вихрем кудрей. В груди сладостно защемило.

— Придумай сам, — тихо попросил он.

— Неудобно как-то, — замялся Юй Фань. — Ты же его спас.

— Мои методы не работают. Твоя очередь, — отрезал Янь Тинъюй.

Сам по себе он был человеком холодным и молчаливым, его аура давила, и он понятия не имел, как растормошить несчастную птицу. Юй Фань же был полной его противоположностью — живой, искрящийся энергией. У него точно получится.

Спорить Юй Фань не стал:

— Ну... пусть тогда будет Дапэн. Могуче звучит, с размахом!

Крошечный попугай размером с ладонь, напоминающий сухую веточку: —...

Янь Тинъюй одарил соседа сложным взглядом:

— Ты после школы литературой вообще интересовался? Книги там, стихи...

Юй Фань невинно хлопнул глазами:

— Не-а.

На том и порешили. Зеленый заморыш официально получил имя великого мифического Руха — Дапэна, став первым полноправным питомцем и талисманом базы DTG.

Вечером великое переселение завершилось. Пань Доу по такому случаю даже притащил бутылку игристого вина.

— Мои поздравления новоселу! — провозгласил он с порога. — Как говорится, сто лет доверия — чтобы плыть в одной лодке, тысяча лет судьбы — чтобы спать в одной комнате! Брат Янь, завидую тебе белой завистью: теперь ты каждое утро будешь лично лицезреть священный гнев нашего великого Юй-гэ при пробуждении.

Юй Фань скривился в гримасе:

— Свали в туман.

Его утреннее бешенство объяснялось исключительно хроническим недосыпом, но объяснять это Пань Доу было бесполезно.

Янь Тинъюй, однако, спокойно принял бутылку и даже сделал небольшой глоток:

— Спасибо.

Пань Доу растерянно моргнул:

— А?

«Серьезно? Спасибо за его утренний гнев? Да мы от него по углам щемимся!»

Янь Тинъюй ненавязчиво положил ладонь на дверную ручку:

— Что-то еще? Если нет, я бы хотел принять душ.

Это был максимально вежливый намек на то, что гостям пора уходить.

Пань Доу все понял без лишних слов и шутливо замахал руками:

— Нет-нет, никаких дел! Желаю принцу и его суженому приятного отдыха. Ваш верный слуга удаляется!

Янь Тинъюй едва заметно усмехнулся.

Юй Фань с каменным лицом процедил:

— Кого ты тут суженым назвал?

Пань Доу лишь скорчил победную рожу и юркнул в коридор.

Янь Тинъюй закрыл дверь на защелку.

На часах было ровно два ночи.

— Пойдешь в душ первым? — спросил Янь Тинъюй.

Юй Фань отчаянно замотал головой:

— Нет-нет-нет, я труп. Засыпаю на ходу, ни секунды не вытерплю.

Для пущей убедительности он картинно зевнул несколько раз кряду.

— Хорошо, — кивнул Янь Тинъюй. — Постараюсь тебя не тревожить.

Юй Фань послушно закивал, рухнул на кровать, натянул одеяло до самого подбородка и крепко зажмурился. Янь Тинъюй подождал пару секунд, затем достал из шкафа свежую смену одежды и скрылся за дверью ванной.

Стоило двери закрыться, Юй Фань распахнул глаза в полумраке спальни, чутко вслушиваясь в доносящиеся звуки. Сквозь матовое стекло пробивался неяркий свет, журчала вода — Янь

Тиньюй явно пустил струю послабее, чтобы не шуметь.

«Надо же, какой заботливый...»

Минут через двадцать шум воды стих. Ему на смену пришел шорох махрового полотенца. За годы игры на позиции снайпера Юй Фань привык улавливать малейшие шорохи, поэтому без труда догадался, что сосед вытирается.

Он поспешно зажмурился, судорожно восстанавливая в памяти утренние статьи о лунатизме.

Спустя мгновение Янь Тиньюй действительно вышел — бесшумно, словно призрак. Он переоделся в легкую пижаму и лениво промокал влажные волосы полотенцем. Включать фен он не стал, справедливо рассудив, что сильный гул потревожит спящего соседа.

Он и понятия не имел, что Юй Фань, притаившись под одеялом, уже всю потирал руки от предвкушения.

«Ну держись, староста. Сейчас я устрою тебе такое представление — зайкой останешься!»

<http://bllate.org/book/20683/2131107>